



УДК 340.42:2

Г.В. Гребеньков, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры психологии и социологии Донецкого юридического института МВД Украины

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО «Я» ПРАВОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: правовая личность, правовое сознание, аксиологическое «Я» личности, структура и феноменология правосознания.

Статья посвящена анализу аксиологического «Я» правовой личности. Представлена его феноменология в качестве таких модальностей правового сознания, как принуждение, подчинение, призвание и признание. Эти характеристики правового сознания, по мнению автора, выражают атрибутивные объективные измерения бытия права, такие, как императивность (долженствование), легальность и легитимность. Призвание и признание обеспечивают легальность и легитимность права на личностном (персонологическом) уровне его (права) бытия. В то время как принуждение и подчинение выражают внешние детерминанты, определяющие логику и характер становления правовой личности.

Когда мы начинаем размышлять о человеке правовом, мы раскрываем содержание этого понятия через контекст: что есть человек социальный в правовом бытии как единстве правовой реальности и правовой онтологии (знании об этой реальности); в чем и как выражается его социальная и социальная сущность и существование в праве, а также как возможно «схватить» исследовательским сознанием эмпирически действующего, живущего «правовой жизнью» индивида?

Отталкиваясь от онтологических представлений, где право рассматривается как имманентный аспект тотальной ценностно-смысловой реальности (культуры), следовательно само право есть воплощенная система материальных и идеальных ценностей, полагаем, что и о человеке правовом можно говорить, исходя из понимания его как носителя системы правовых ценностей (аксиологических функций), выявляющих себя как на психическом (сознательном, а также подсознательном и, возможно, бессознательном) уровне организации индивида, так и на инструментально-поведенческом (характерологическом) уровне экзистенциального проявления личностного бытия. И если эта дедуктивная посылка гносеологически оправдана, то человек правовой – это всегда потенциальная и (или) актуальная правовая личность, разворачивающая свою деятельность через манифестацию своего личностного, главным образом аксиологического, «Я». Следовательно описать и понять правовую личность можно исходя из представлений о ней, во-первых, как системно-структурном ценностном образовании, как некотором устойчивом личностном правовом «Я» – и тогда мы говорим о сущностном измерении человека правового, и, во-вторых, как о действующем эмпирическом правовом социальном индивиде в единстве его правовых социальных ролей и правового статуса – и тогда мы говорим об экзистенциальном (существование) измерении феномена homo juridicus.

Анализ правовой личности как аксиологического образования предусматривает описание структуры правовых аксиологических функций личности как устойчивых психологических феноменов сознания, а также попытку предложить вариант построения «идеального типа» правовой личности и вариант типологии правовой личности.

Касаясь методологического аспекта проблемы, поставленной в качестве названия статьи, хотим напомнить, что любое исследование в сфере гуманитарного знания, к каковым и относится правосознание, восходит к принципам социального конструирования объекта исследования. Иначе говоря, предмет исследования изначально формируется как некоторая идеальная модель, выполняющая в дальнейшем функцию инструмента и средства для познания эмпирического многообразия реальности. Более того, эта модель всегда опосредована целями и ценностями не только исследователя, но и выражает, по словам автора концепции «идеального типа» М. Вебера, «интерес эпохи». Как конструируется идеальный тип в качестве исследовательской модели и что это вообще такое?

Согласно М. Веберу, идеальный тип есть средство, а не цель познания. Он создается как гносеологическая конструкция, позволяющая рассматривать предмет исследования в «идеальных условиях», независимо от переменчивых исторических пространственно-временных контекстов, поэтому и возможны, по М. Веберу, такие исследовательские концепты, как государство, homo economicus, церковь, христианство, ремесло, право и т. д. По мнению другого исследователя – К.-Г. Юнга, тип – это только усредненная, интеллигентная единица анализа; тип не существует в реальности, он не более чем «потенциальная зона предрасположенностей к тому или иному способу реагирования».

Вышеозначенные идеальные понятийные конструкции есть плод интеллектуальной работы мышления, вносящего смысл в эмпирическую действительность через поиск элементов типического. Вот поиск таких типических элементов в качестве правовых личностных экзистенциалов (аксиологических функций) и сможет, на наш взгляд, способствовать конструированию идеальной модели правовой личности, поэтому моделирование правовой личности никак не может быть претензией на получение объективного знания, а всего лишь опыт экзистенциально-феноменологического понимания феномена правовой личности.

Таким образом, правовая личность есть гносеологическая конструкция – веберовский «идеальный тип», функция которой состоит в том, чтобы быть познавательной моделью, выражающей как объективный «интерес эпохи», в которой событиствует исследователь, решающий конкретную мировоззренческую и политико-идеологическую задачу, а также воплощающий в этой модели ценности и цели, с его точки зрения, субъективно и интересубъективно «должные быть», через эту модель вписанные в действующее, инструментальное право.

Думается, что сформулированная нами аксиологическая концепция личности как идеальная модель человека социокультурного в достаточной степени явно описывает и рационально выражает его сущность и в силу этого позволяет соотнести основные положения аксиологической теории с задачей создания концепции человека правового (правовой личности), с выделением присущего этой личности аксиологического «Я» и анализом специфического для нее проявления сознания, выражающих подлинный смысл и природу правового.

Как известно, еще в начале XX в. Б. Кистяковский в своей диссертации «Общество и индивидуальность» (1899) и более поздних публикациях («В защиту права (интеллигенция и правосознание)» (1909)) охарактеризовал правовую личность как личность, дисциплинированную правом и устойчивым правопорядком, наделенную всеми правами и свободно ими пользующуюся. В этом случае, полагал он, личность оказывается задеваемой в деятельности по защите своих неотчуждаемых прав, ее отличает понимание своей персональной ответственности за соблюдение законов государством и каждым гражданином [4].

Что значит «дисциплинированную правом», а также «наделенную всеми правами и свободно ими пользующуюся»? Вероятно, это суждение в концептуальном пространстве аксиологической теории личности можно интерпретировать как наличие такой личностной системы ценностей, которая комплиментарна (позитивно ориентирована) социально-исторической системе ценностей права, внутри которой личность становится – социализируется и персонализируется, т. е. правовая личность становится таковой, если она усваивает ценности общества и принимает их как «должное быть», как свои императивы жизнедеятельности, как свои убеждения. И более того, личность как социальный индивид, по Б. Кистяковскому, обладает таким правовым статусом, который обеспечивает наличие и знание своих прав, которые, становясь элементом личностного «Я», обеспечивают понимание необходимости контроля (обратной связи) за деятельностью государства как правового института.

Что делает личность комплиментарной праву как социальной системе ценностей? Скорее всего, не наличие особых личностных аксиологических функций в структуре личностного «Я», а те имманентные модальные свойства правового, которые придают личностным ценностям статус правовых личностных ценностей. На наш взгляд, к такого рода модальностям следует отнести феномены принуждения, подчинения, признания и призвания. Именно эти характеристики правового, мыслимые в их субъективном воплощении, думается, наиболее точно выражают атрибутивные объективные измерения бытия права – долженствование (императивность), легальность и легитимность, а следовательно – и смысл права. Именно эти характеристики, полагаем, придают и правовой статус личностным ценностям человека, вводя в содержание экзистенциалов личностного бытия правовой контекст.

Еще В. Хвостов, крупнейший дореволюционный социолог, историк и теоретик права, в своих работах «Нравственная личность и общество», «Общая теория права» высказывал мысль, совпадающую, кстати, со взглядами Л. Петражицкого, что психическое принуждение является важнейшим фактором социального управления, если принимает нормативно-правовой или нормативно-моральный характер [1, с. 426].

Действительно, право обеспечивает воспроизводство социального бытия как целого, но это воспроизводство, как было неоднократно сказано, связано с преодолением изначально присущих «человеческой сущности» (И. Кант) антагонизмов и конфликтов, и поэтому право всегда обеспечивает принудительный характер реализации социальным индивидом своих фундаментальных экзистенциалов, связанных с реализацией установок на жизнь, «бегства от смерти» как иновыражения свободы, обеспеченной справедливым и равным доступом к материальным и идеальным ценностям культуры.

Подлинное право всегда принуждает и призывает жить и быть свободным, одновременно наказывая за нарушение норм проявления этой свободы, изменяя пространство-время жизни «нарушителя» и тем самым в конечном счете приближая человека к смерти – вначале социальной, а впоследствии, возможно, и физической. При этом право обеспечивает необходимость и ответственность индивида за способы и направленность реализации своих личностных экзистенциалов через подчинение принятым в качестве правовых норм императивам поведения. И здесь подчинение императивам следует понимать так, как это делал И. Кант, говоря, что «под императивом вообще разумеется всякое положение, указывающее возможным свободный поступок, благодаря которому должна быть реализована известная цель» [3, с. 394]. Иначе говоря, правовое принуждение, как и правовое подчинение, должно быть ничем иным, и поэтому его следует понимать только как способ свободного, ценностного и целерационального по-

ведения человека как личности, основанного на знании границ своей и чужой свободы и социального пространства ее воплощения.

«Понимание правовых норм и согласие подчиняться им, – писал И. Ильин, – предполагает в живом существе не только наличность духовной силы вообще, но и значительную умственную и духовную зрелость. При отсутствии этих условий правоотношение или невозможно, или нелепо» [2]. С ним соглашался Л. Петражицкий, утверждавший, что право действует не только там, где его фиксирует юриспруденция, но и в любом другом месте, где существуют личностные отношения и отношения подчинения [7].

Подчинение правом индивидуальной свободы как проявление своеволия «недоброжелательной общительности» (И. Кант), подпитываемое трансгрессивной интенциональностью витального «Я» индивида, объективно обеспечивается осознанием и признанием в качестве императива жизнедеятельности, индивидуальной свободы другого (других). Не зря, видимо, Г. Гегель, автор первого в истории европейской философии систематического концептуального труда по философии права, относил признание к сфере «субъективного духа» и представлял этот правовой личностный экзистенциал в качестве особого состояния самосознания, «когда носитель последнего соотносит себя с другим субъектом, стремясь показать себя в качестве свободной самости» [5, с. 242]. Тот же И. Ильин, как известно, блестящий знаток философии Г. Гегеля, написавший и защитивший диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918), полагал, что правоотношения покоятся на взаимном признании людей.

На наш взгляд, признание может быть представлено в качестве такого правового экзистенциала (личностной аксиологической функции), который присутствует в сознании индивида в качестве убеждения и одновременно как переживание состояния ограничения своего произвола и осознания индивидом своей свободы как долга и ответственности перед собой и другим.

Между тем признание в правовом измерении всегда вызывает к жизни и придает правовую характеристику такой аксиологической личностной функции, как справедливость. И здесь личностная «справедливость» пересекается с личностной «справедливостью» другого, в отношении к общему ее критерию – правовой норме, закону как объективации справедливости, который, собственно, и устанавливает то, что мы называем равенством, формальным равенством индивидов перед правовой нормой.

Феномен признания как личностный экзистенциал предопределяет также выбор типа правопонимания, следовательно способа отношения индивида к праву. Речь идет о том, что признание (непризнание) как правовая модальность личностных аксиологических функций по отношению к праву означает придание всему аксиологическому «Я» определенной поведенческой интенции – уважение и исполнение правовых предписаний или непринятие последних, т. е. такие отношения личности к праву, которые в литературе обозначаются терминами «законопослушание», и в противовес ему «правовой (юридический) нигилизм». Через признание, в психологической форме убеждения, реализуются личностные аксиологические функции: а) ответственность личности за свои поступки, б) долг как убеждение в важности исполнения личностью своих обязанностей; в) справедливость как мера равенства участников правового общения; г) свобода как условие гарантии реализации своих юридических прав и обязанностей в качестве homo juridicus, понимаемого в данном случае всего лишь как гражданин.

Особое место в ряду правовых модальностей аксиологического «Я» принадлежит призванию. В работе «От обязанности к призванию, от призвания к праву» Э.Ю. Соловьев относит этот феномен к определенному типу нормосуществования. В нашей концепции правовой личности как иновыражения личностного «Я» призвание интерпретируется как психологический феномен влечения к какой-либо деятельности, сочетающейся с позитивной самооценкой своих способностей к ней [8]. Кроме влечения к деятельности и уверенности в наличии способностей к ней в призвании в качестве обязательного компонента присутствует аспект долженствования, т. е. отношение к деятельности как к тому, чем необходимо овладеть, поэтому, действительно, о призвании можно говорить не только как о норме (Э.Ю. Соловьев), но и как о цели. При этом, говоря о призвании как о цели овладеть определенной деятельностью, выполнять ее, мы имели в виду не какую-то одну конкретную деятельность. В качестве главной смыслообразующей цели у человека как социального индивида выступает стремление реализовать, воплотить свою жизнь как иерархическую аксиологическую личностную систему и целостный способ жизни.

Таким образом, в призвании реализуется аксиологическая функция признания как позитивная экзистенциальная интенция человека к социуму как условию его личностного бытия, т. е. призвание, будучи аксиологическим личностным феноменом, отражает функционирующие в обществе ценностные системы и выражает отношение «Я» к ним. В призвании личности, следовательно, отражаются требования культуры, ибо объективно личность выполняет свою жизнью определенную задачу, поставленную социумом, где право выполняет функцию контроля (принуждения) за ее осуществлением. И одновременно призвание суть выражение стремления человека выполнить свою смыслообразующую задачу – личностным образом построить свою жизнь, а это значит, что призвание есть характеристика автономности (самостоятельности) человеческого существования, т. е. то условие, вне которого право невозможно и теряет всякий смысл.

Напомним, что именно автономность личности как способность быть «господином самому себе» благодаря добровольно выбранным принципам И. Кант положил в основание права, придав ему статус первоначала права. «На арене социальной жизни, – пишет в другой работе Э.Ю. Соловьев, – автономия обнаруживает себя как инициативность, ответственность, предприимчивость, способность строго контролиро-

вать свое поведение и подчинять его единой жизненной стратегии» [9, с. 67]. Как видим, аксиологический личностный экзистенциал призвания в правовой сфере разворачивается практически через весь набор характеристик, присущих правовой личности, ибо именно он придает направленность и влияет на структурирование аксиологического «Я» индивида в направлении требований культуры, оставляя за индивидом «право» на выбор способов самоопределения в ней.

Призвание и признание суть императивы, с одной стороны, желаемого, а с другой – должного, присутствующие в сознании человека как знание о внешнем мире в качестве социокультурной реальности норм и правил жизнедеятельности и одновременно как самосознание – источник выбора автономного способа жизнедеятельности «внутри» этих норм и правил. Признание и призвание обеспечивают легальность и легитимность права на личностном уровне его бытия. Это, так сказать, легальность и легитимность в персонологическом экзистенциальном измерении права.

Все названные модальные признаки аксиологического «Я» (принуждение, подчинение, признание и призвание) даны индивиду как феномены его психики, в первую очередь как феномены сознания. При этом следует понимать, что если в первых экзистенциалах право выражает «волю» социума через свою систему конкретно-исторических ценностей, то в феноменах признания и призвания право представлено в конечном счете как «продукт» работы сознания и самосознания. «Успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает их нравственное сочувствие и поддержку», – писал П. Новгородцев в конце XIX в. «Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли» [6].

1. Жоль, К. Философия и социология права / К. Жоль. Киев : Юринком Интер, 2000.
2. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин. М. : Рарогъ, 1993.
3. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. М. : Наука, 1980.
4. Кистяковский, Б.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) / Б.А. Кистяковский // Вехи. М. : Молодая гвардия, 1991.
5. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления / С.И. Максимов. Харьков : Право, 2002.
6. Новгородцев, П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения / П.И. Новгородцев. М. : Раритет, 1995.
7. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. СПб. : Лань, 2000.
8. Платонов, К.К. Понятие «структура» в учении о личности / К.К. Платонов // Проблемы личности. М. : Наука, 1965.
9. Соловьев, Э.Ю. Личность и право / Э.Ю. Соловьев // Вопр. философии. 1989. № 8.

Дата поступления в редакцию: 04.02.13

G.V. Grebenkov, doctor of philosophy, professor, head of the department of psychology and sociology Donetsk Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Ukraine

PHENOMENOLOGY AXIOLOGICAL 'T' LEGAL PERSONALITY

Keywords: legal individual, legal awareness, individual's cosmological 'T', structure and phenomenology of legal awareness.

The article deals with the analysis of cosmological 'T' of a legal individual. Its phenomenology by means of such models as enforcement, submission, mission and admission is presented here. According to the author these characteristics of legal awareness express attributive objective changers of law existence, such as imperativity and legality. Mission and admission supply with legality of a law on the personal level of its (law) existence; when enforcement and submission express external determiners defining logic and character of legal individual's establishing.

УДК 342.9

О.В. Дудник, соискатель кафедры административного права Межрегиональной академии управления персоналом

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕТСКОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА, ПРИМЕНЯЕМЫХ РАБОТНИКАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ

Ключевые слова: профилактика детского дорожно-транспортного травматизма, формы, методы, мероприятия экономического, психологического, социального, культурного, воспитательного и правового характера.

В статье рассматриваются формы и методы, которые используют работники ГАИ в процессе проведения мероприятий по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма. Проведен детальный анализ таких форм и методов и внесен ряд предложений относительно повышения их эффективности.

Вопрос форм и методов профилактики детского дорожно-транспортного травматизма неоднократно рассматривался в юридической литературе, однако их применение на практике часто не дает результатов. Главным критерием эффективности применения того или иного метода профилактической деятельности в сфере дорожного движения является прежде всего снижение количества ДТП, которое должно произой-